

Фрагмент из книги

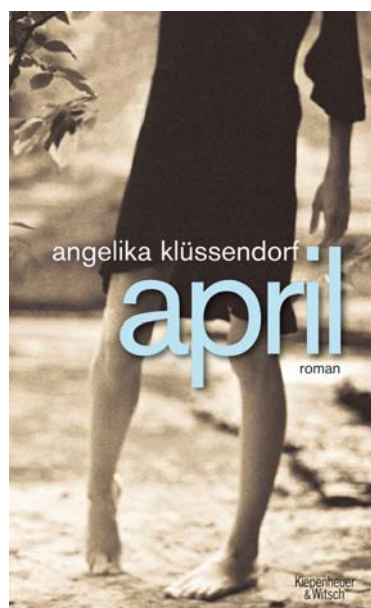
Angelika Klüssendorf
April
Roman

Kiepenheuer & Witsch Verlag, Köln 2014
ISBN 978-3-462-04614-4

pp. 7-23

Ангелика Клюссендорф
Апрель
роман

Перевод Марии Деминой
Редактор перевода Мария Зоркая

Девушка звонит в дверь на первом этаже. На табличке выгравировано витиеватыми буквами: *Фрейлейн Юнгникель*. За дверью – тишина, только птичка вдруг отозвалась двумя короткими трелями. Сопровождающий откашлялся и тоже принялся давить на кнопку звонка, нетерпеливо и долго. На этот раз слышались шаги, в двери открылось зарешеченное окошко, а в окошке показалась какая-то старушенция и застыла, как статуя, только одно веко подергивалось. Старуха не сразу поняла, о чем говорит ей представитель Комитета по оказанию помощи несовершеннолетним. И ему, и юной особе пришлось предъявить документы, а уж только затем войти. Через прихожую они проследовали за старухой в комнату, очень длинную – кишка, а не комната. Девушка осматривалась. Дуновение ледяного воздуха коснулось ее лица: должно быть, сквозило из щелей в оконной раме. Здесь она проведет ближайшие месяцы, а то и годы. Ей только что исполнилось восемнадцать, эту комнату, как и место помощницы в бюро на производстве высоковольтного оборудования она получила от Комитета по оказанию помощи несовершеннолетним.

Вместе со старухой они прошли в кухню. Такой мрачной кухни девушка еще не видывала, и даже ее сопровождающий удивлялся. Пол выложен черной, будто закопченной при пожаре, плиткой, стены выкрашены темной и блестящей масляной краской, черным линолеумом обиты кухонный шкаф и даже мойка.

– Это чтобы *грести* не было, – произнесла старуха протяжно, по-саксонски. Впервые услышав эдакое слово, девушка поинтересовалась: что еще за «греть»? Из запутанных объяснений ей вроде бы удалось понять, что «греть» – это «грязь». И действительно, на кухне царила безупречная чистота, нигде ни пылинки.

Представитель комитета распрощался, пожелав девушке большой удачи в будущей жизни. словно жизнь – это игра в кости.

Хозяйка – сухонькая, лет около семидесяти – скрылась в своей комнате, но дверь затворила неплотно. отчетливо слышалось не только щебетание птицы, но и голос старухи-хозяйки, которая с ней переговаривалась.

После обеда привезут мебель. Недавно разбирали вещи в одной опустевшей квартире, девушке удалось кое-что раздобыть: диван, два кресла и старый сервант, а еще кастрюли, посуду и одеяло.

Девушка прожила последние несколько лет в приютах, и вот теперь ее выпустили во взрослую жизнь с сотней марок в кармане и с ордером на это жилье. Имя она дала себе сама: Апрель. Все имущество Апрель – чемодан со скромными пожитками, она с трудом взгромоздила его на печку. Нужно позаботиться об угле, половина зимы еще впереди. Сейчас полдень, суббота, она отправилась в универсам, купила хлеб и наперед запаслась растворимыми супами в пакетиках. На обратном пути попыталась хорошенько запомнить все те дома, перед какими громоздились на тротуаре кучи угля.

Только она собралась приготовить себе на кухонной плите растворимый суп, как вошла хозяйка и встала прямо рядом с ней, скрестив на груди руки. Молча она наблюдала за Апрель. Стоит хоть одной-двум капелькам воды упасть на черный линолеум, как хозяйка тут же хватается аккуратно сложенную тряпку и вытирает пол, а потом опять встает на свое место рядом с девушкой, и так все время: Апрель помешивает суп в кастрюльке, крошка или капелька летят вниз, а за ними, как ястреб на добычу, бросается старуха. Апрель знала, что надо обязательно поладить со старой каргой, поэтому улыбалась, словно принимала все это за шутку.

Она устроила себе ложе на диване, плотно закуталась в одеяло. Принялась было за чтение, но тут раздался бой часов. На десятом ударе открылась дверь, вошла хозяйка и молча выключила верхний свет. Лежа на спине, Апрель вглядывалась в темноту. На верхнем

этаже еще долго чем-то стучали, и стук этот отдавался у нее в висках. А когда все стихло, ей показалось, что в комнате стоит полная тишина.

Утром она проснулась рано и сразу обратила внимание на уродливые обои, а через мгновение почувствовала, до чего окоченели у нее ноги от холода. Щели в раме она подоткнула одеялом, включила в кухне газовую плиту и попыталась отогреться у огня. Как только Апрель услышала щебетание птицы, скорее напоминавшее плач, она оделась и вышла из дома. Резкий утренний свет освещал безлюдные улицы, покрытые копотью сугробы громоздились у тротуаров, в воздухе стоял запах выхлопных газов, угольной пыли и серы. Она бесцельно бродила по улицам, снег хрустел под ногами. Магазины выглядели так, словно давно заброшены, в витринах – однообразный будничные хлам.

Апрель обдумывала, что бы такое купить себе на первую зарплату. Ясно, что в списке будет проигрыватель: как часто она представляла себе собственную комнату и музыку Дженис Джоплин! Она гордилась этой пластинкой, она ее выменяла на пластинку Бирмана, а еще раньше за Бирмана в ход пошло полное собрание сочинений Шекспира, великолепное издание с корешками из зеленой кожи.

С хозяйкой она за весь день ни разу не встретилась, ей даже удалось спокойно приготовить растворимый суп, хотя отзвуки бесед с птицей раздавались в квартире до самого вечера. На этот раз, стоило часам пробить десять, Апрель сама выключила свет, с облегчением отметив, что воскресенье заканчивается.

Еще до звонка будильника она проснулась, тихо прошла в ванную комнату, над умывальником почистила зубы. Ей хотелось выглядеть прилично, значит – нельзя надевать любимые шмотки, залатанные левайсы и западную футболку с флагом США.

Еще не рассвело, когда она вышла из трамвая в центре города. Смешалась с толпой, устремлявшейся к огромному низкому зданию. «ЛЕЙПЦИГСКИЙ ОМБИНАТ ПО ПРОИЗВОДСТВУ ВЫСОКОВОЛЬТНОГО

ОБОРУДОВАНИЯ» – гласила светящаяся вывеска над входом. Само собой, должно быть написано: «КОМБИНАТ», но буква «К» не загоралась. Такая оплошность даже развеселила Апрель, хотя вообще-то новая работа не вызывала у нее большого восторга. Ну, а какие еще варианты? Кроме десяти классов школы и незаконченной практики в сельскохозяйственном производственном кооперативе предъявить ей нечего.

Вахтер проводил ее на рабочее место. В коридорах стоял запах дезинфицирующего средства. Она вошла в отдел, и все подняли головы, посмотрели, а женщина средних лет, сидевшая у ближнего края большого стола, даже встала: она, дескать, руководительница отдела. Хозяйским жестом она указала Апрель на место у окна. Апрель насчитала семь человек в комнате, кроме себя самой, и семь пар любопытных глаз уставились на нее. Начальница познакомила Апрель с сослуживцами, но она пропустила мимо ушей все имена. Сотрудница слева немедленно ввела ее в курс дела: задача состоит в том, чтобы распределять кабели по предприятиям. Каждый раз следует заполнить подготовленный бланк, а при распределении кабелей следует придерживаться нумерации от одного до десяти, причем номер один означает госзаказы – они являются приоритетными. Дикция у сотрудницы была так себе, она говорила и плевалась, она брызгала слюной, и Апрель старалась незаметно стирать капельки с лица. Другой сотрудник, у которого лысина была старательно прикрыта редкими волосами, то и дело с сильным нажимом проводил карандашом вдоль линейки; он в отделе – единственный мужчина. Уже спустя час Апрель пришлось собрать всю силу воли, чтобы не уснуть за столом. Она пыталась заполнять бланки самым красивым своим почерком. Когда начался перерыв, она взяла в заводском киоске кофе, копченую сардельку и несколько булочек. Жевала и смущалась под пристальными взглядами новых коллег. И хотя в них читалось лишь добродушное превосходство, ей больше всего хотелось заявить: я точно уйду отсюда раньше, чем доживу до ваших лет.

На первую же зарплату, на триста двадцать марок, она купила себе проигрыватель и старинное, с прекрасными иллюстрациями, издание сказок Братьев Гримм. Открывая «Умную Гретель», любимую сказку, она возвращалась в детство, воображала себя запертой в подвале маленькой девочкой, которая благодаря сказке забывает чувство голода. Читая эти сказки, она прежде всего обретала чувство безопасности.

На весь оставшийся месяц у нее в распоряжении жалкие двадцать восемь марок. Но ведь есть и другие способы свести концы с концами –помимо жизни на зарплату! Апрель не упускала случая что-нибудь, да стащить. Она еще в детском доме была искуснейшей воровкой, она однажды увела прямо из-под носа у продавщицы аж десять плиток шоколада.

Рано утром она ни за что не выйдет из дома, пока не прослушает снова и снова одну и ту же композицию, пока несколько раз не вернет иголку на начало *Summertime* Дженис Джоплин, самой любимой ее песни в ту зиму.

С хозяйкой Юнгникель она старается поладить, хотя давно уже не готова со всем соглашаться. Если старуха на ночь выключает свет, то Апрель снова его включает, а ругань выслушивает, но пропускает мимо ушей – уж это она умеет.

Апрель запаслась углем и задерживала плату за комнату. Питалась растворимыми супами, а завтракала тем, что продавали в заводских киосках. Сидя на работе, она погружалась в мир фантазий, там-то ей и доводилось встречать интересных людей. По вечерам в своей комнате она писала длинные послания к неведомому возлюбленному, представляясь ему поочередно то студенткой, изучающей ветеринарию, то актрисой, то просто любительницей приключений.

В один особенно морозный день она допоздна подбрасывала уголь в печку. А когда проснулась ночью, задыхаясь и кашляя, вся комната

уже наполнилась дымом. Заспанная, она включила свет и обнаружила тлеющий на печке чемодан. В полусне распахнула окно, выволокла чемодан в прихожую, одурев от дыма, и просто оставила его там, на дощатом полу, а сама, пошатываясь, добрела до кровати и мгновенно заснула. Но ее вновь разбудили, на этот раз – оглушительным грохотом. Только сумела открыть дверь, как навстречу ей из клубов дыма выступили двое пожарных. А хозяйка бродила по коридорам в ночной сорочке, один из пожарных принялся ее успокаивать, а птица при этом каркала так жалобно, словно просила о помощи. Пожарные вынесли чемодан из квартиры и залили весь пол из шланга.

– Ну и растяпа, как так можно! – восклицал один из них.

Вместе с чемоданом Апрель лишилась всего, что связывало ее с прошлым: и писем, и дневников, и вещиц, которые накопились за всю ее жизнь. Давно наступила тишина, но заснуть ей не удавалось. Возможно, пожар был предвестником, провозвестником каких-то перемен, но каких? Она и не представляла.

После того происшествия фрейлейн Юнгникель не спускала с нее глаз. Входила в комнату, когда вздумается, протяжно, по-саксонски, обсуждала сама с собой каждую пылинку и даже провожала Апрель до ванной комнаты, дожидаясь за дверью. А еще она на всю квартиру жаловалась своей птице, повторяя то и дело слово *гресть*.

Друзья из старой компании нанесли Апрель визит в честь новоселья. К ней, теперь обитающей в городе, они прибыли из деревень, из самого захолустья. В годы учебы она проводила с ними все свободное время, гоняла с ними по окрестностям, сидя на заднем сиденье мотоцикла в вечных поисках новых развлечений: были и автогонки в Брно, и козий сыр с темным пивом на ужин, и первые лучи солнца в марте, на побережье Балтийского моря, а однажды они даже ночевали в церкви.

Черный Пауль притащил два ящика пива, он стрижет овец, руки у него до того сильные, что таких, как Апрель, он удержит пятерых разом. Поздоровались тепло, словно простились только вчера.

– А в твоей конуре холодновато, Тростинка, – заметил Пауль. И показал синяк на руке от овечьего копыта: дескать, эту грязную скотину он чуть не удавил.

Апрель любила свое прозвище. «Тростинка» – это звучит куда приятнее, чем раньше, когда мальчишки обзывали ее совсем по-другому: Скелетина, Тощая, Дистрофичка.

Следом пришла Стрелка, ее так прозвали в честь одной из первых собак-космонавтов, ведь только она могла помериться силами с Апрель в забеге на длинные дистанции, когда они еще учились в школе. Стрелка придирчиво осмотрела комнату: обои, говорит, мешанские, да что еще за старуха живет в этой квартире?

– Старуха, не зная молодости, – разъяснила Апрель. – Она ведь сразу старухой и родилась, со своей манией чистоты она бы мне и нос вытирала, если бы я расслабилась.

А стоило ей рассказать, какой надзор за нею осуществляет в квартире фрейлейн Юнгникель, сомнений не осталось: старуха сошла с ума.

– Нельзя с этим мириться, – настаивал Черный Пауль, а зрачки его слегка косых глаз угрожающе смещались к носу.

К вечеру в ее комнате собралась вся компания. Пили, курили, рассуждали, как ветераны прошлых лет, пели хиты шестидесятых, а Комар пародировал Вальтера Ульбрихта. Апрель худая, а Комар совсем тощий, черты лица у него такие острые, как у марионетки, вырезанной из дерева. О своей болезни Комар никогда не упоминал, но Стрелка утверждала, что он обречен. Вечером компания на автобусе отправилась в «Ривьеру», на сельскую дискотеку, там они терпеливо отстояли очередь. Когда рябой вышибала, наконец, разрешил им войти, лучшие места у изразцовой печи уже были заняты. Так что их согревал коктейль «Светофор» – на дне слой

мятного ликера, затем идет абрикосовый, а сверху черешневый. Комар швырялся деньгами, платил за всех, и как только стаканы пустели, тут же просил повторить.

В переполненном зале Апрель прокладывала себе путь через бурлящую толпу, скакала как заведенная у сцены, пока ей не удалось туда взобраться, и все ради того, чтобы заказать у диджея песню *Deer Purple* «Апрель». Начало светать, а домой ехать не хотелось, хотелось и дальше танцевать, но в зале уже зажглись финальные огни, хотя песня «Je t'aime» еще звучала. Она танцевала с Фридером, тесно прижимаясь к нему, а когда музыка умолкла – застыла как статуя, прикрыла глаза и ответила на его поцелуи.

Рано утром она проснулась первой, ее друзья еще валялись на полу в спальнях мешках, вся комната пропахла перегаром и табачным дымом. Апрель пробивала дрожь, она была сама не своя. За окном искрилась на солнце тающая сосулька, капли с щелчком врезались в подоконник. Рядом на диване спал Фридер. Она попыталась вспомнить, что произошло прошлой ночью, но помнила только, как обнимались и целовались. Апрель влюблена, но это ничего не значит – она часто влюбляется. Обменявшись одним взглядом с незнакомцем, она может ночи напролет мечтать о нем, секундной встречи достаточно, чтобы ее сердце затрепетало, но это ненадолго. Губы у Фридера красивые, но поцелуи его – сухие, жесткие. Он пошел служить в армию на три года, потому что хочет стать врачом. Девушкам он нравится не только из-за внешности, он ведь и в музыке разбирается, и носит левайсы. Апрель осторожно вылезла из кровати, не потревожив Фридера. А в кухне, пока она ставила чайник на плиту, не услышала из комнаты хозяйки ни единого звука, и птица молчала. Постепенно все просыпались, Комар нашел в рюкзаке бутылку горняцкого шнапса, это пойло – чистый спирт, Апрель только пригубила. Вдруг Черному Паулю пришла в голову та еще идея: надо, мол, нанести визит старухе и птице. Апрель не воодушевилась идеей, но возражать не стала.

– Давайте подбросим монетку, – предложил Комар, – орел или решка, а победитель споет песенку старухе – в чем мать родила!

Черный Пауль выбрал «орла» и выиграл. Он разделся догола, словно это обычное дело, и Стрелка с одобрением присвистнула: все размеры такие, что закачаешься! Апрель решила было отменить представление, но Черный Пауль уже направился к фрейлейн Юнгникель.

«Рамона, до свидания, сказал тебе я на прощание...» – оглушительно громко раздалось его пение, а затем пронзительный вопль, и вопль этот становился все выше и выше, октава за октавой, и одновременно вопила обезумевшая птица. От старухи Черный Пауль вернулся, изрядно побледнев.

– Она в жизни голого мужчину не видела! – сообщил он. – Это ясно как день.

Вечером, когда друзья уже распрощались, Апрель так не решилась выйти в коридор. До поздней ночи из-за двери доносился такой шум, будто там двигали мебель, и она представляла себе, что старуха забаррикадировалась за шкафом и вспоминает Черного Пауля.

В один из первых весенних дней она с утра надела потрепанные левайсы и футболку с американским флагом. Галдеж старухиной птицы настроил Апрель на озорной лад. Начальница, страшно возмущившись, отправила ее домой переодеться, да еще велела отработать потом лишние часы. Но она не сумела выполнить приказ, ведь внутри у нее – маленький чертенок, он то и дело бунтует против подобных распоряжений. Так что она отправилась не домой, а в зоопарк – понаблюдать за любимыми своими обезьянками, а оставшееся до вечера время слонялась по центру. Больше всего хотелось посидеть в кафе, но на такое она не решилась. А вечером металась из угла в угол по своей комнате, пока птицы за окном – тысячи птиц! – кажется, репетировали свой грандиозный концерт.

Еще позже она снова отправилась на трамвае в город, собралась с духом и вошла в пивную «Тюрингский Двор». И тут ей сразу захотелось провалиться сквозь землю: вход преграждал бархатный канат, вместе с другими посетителями полагалось ждать за ограждением, пока не освободится место. Желание исчезнуть быстро и незаметно возникло с новой силой, когда угрюмый официант пригласил ее к столику в дальнем углу зала. Но до выхода было так далеко, что она осталась, она заказывала одну кружку пива за другой и покинула пивнушку последней.

Наутро утро она с трудом сумела открыть глаза, в голове стук и грохот. Надела те же потрепанные джинсы и футболку. В трамвае ей так и хотелось плевать при виде этих будничных и унылых лиц, даже голова пошла кругом!

На работе ей велели зайти к начальнику отдела, но он, как ни старался, не сумел сосредоточиться на деловых вопросах, зато дал понять, что рабочая форма одежды подразумевает наличие бюстгалтера под футболкой. Сначала она решила, что ослышалась. Американский флаг на футболке начальник отдела словно не заметил.

Он что, смеется? Намека на шутку в выражении его лица она не увидела, только блеск голодных глаз, а когда догадалась, к чему он клонит, зло ухмыльнулась, обнажив зубы, и про себя осыпала его всеми известными ей проклятиями.

Иногда она просыпается рано утром с неприятным ощущением, что язык у нее стал толстым и шершавым. Несколько секунд она вообще не может понять, где находится. По друзьям она скучает, но ведь в деревню ехать не хочется и даже страшновато. Словно ее ждет какая-то опасная болезнь в тех местах, где она провела детство, вот заразишься – и придется остаться там навсегда. Из всей компании к ней приезжал только Фридер, когда ему давали увольнение. Они молча лежали на диване, и ему-то хотелось продвинуться дальше объятий, но она не пускала. По крайней мере, именно такие слова она однажды услышала, когда Фридер разговаривал с Черным Паулем: «Тростинка меня не пускает». Благодаря этим словам она ощутила свою власть, ведь это ей принимать решение: да или нет. Что ж, она не хочет сказать «да», или – пока не хочет. Ждет ли она другого, настоящего? На сегодня ей хватает и этой возни без последствий, тоже достаточно волнующей, в подобной игре она чувствует себя уверенно.

С наступлением весны ее волнения усилились. Как только за окном темнело и птицы поднимали галдеж, ее сразу тянуло на улицу. Апрель выяснила, что поздно вечером в «Тюрингском Дворе» можно занять любое свободное место, так что она сама находила столик и вела себя так, словно не замечает взгляды остальных посетителей. Вкус алкоголя ей не нравился, она предпочла бы лимонад, однако напряжение растворялось с первой же кружкой пива.

Как-то раз к ней за столик подседа парочка. Мужчина, хотя и при галстукке, выглядел совсем не презентабельно. Нос огромный, да еще и дрожит во время разговора – ну, чисто тапир в человеческом облике. Подруга же его, напротив, запросто могла бы работать и на Комбинате, только с макияжем у нее перебор: губы ужас до чего

красные, к тому же в форме сердечка. Тапир заказал на всех шнапс, а когда официант принес рюмки, подвинул одну поближе к Апрель. Затем склонился к ней и произнес:

– Разрешите представиться: Адам Галстук.

Сразу видно – выпендривается, да еще и навеселе. Указал на свою подругу и добавил:

–А это Ева, ну ты знаешь, которая с Адамом.

Он казался ей странным ровно до тех пор, пока она не хлопнула три порции шнапса. А уж после того Галстук – он настаивал на таком имени – стал выглядеть даже забавно. Как бы между делом Галстук сообщил, что ночевать им негде. А нельзя ли у нее?

Глубокой ночью эта парочка удобно улеглась у нее на диване, а сама Апрель устроилась на полу под старым зимним пальто.

Ей даже удалось вовремя встать на следующее утро. Однако начальница, увидев ее в отделе, только головой покачала:

– Да на вас лица нет! Вы что, не спали всю ночь?

Пока коллеги обсуждали ее мешки под глазами, Апрель только и думала о парочке у себя дома, только и желала, чтобы к моменту ее возвращения их и след простыл. В перерыве она попыталась заснуть, усевшись на крышке унитаза, склонив голову до самых колен. Остальные рабочие часы она провела в полусонном состоянии, блуждала в дебрях фантазий, глазела в окно, пока сотрудница слева не начала громко и наставительно кашлять, – и вот только тогда Апрель обратила внимание на взгляды сослуживцев.

– Милая девушка, проснись! – воскликнул Блюмель.

Апрель со злорадством отметила, что у него сморщилась даже кожа на голове под жидкими волосами. Такое случалось всякий раз, когда он волновался.

Вечером она вернулась домой в плохом настроении. И сразу услышала крик Галстука из кухни:

– Сегодня у нас на ужин гуляш!

Апрель хотела остаться одна, хотела, чтобы они ушли, но она струсила и никому не сказала об этом своем желании. А потому решила расслабиться и получать удовольствие, и пила одну кружку пива за другой, и убедила себя, что гуляш – это приятное разнообразие в рационе, если питаешься только супами из пакета. Много времени прошло, но пиво все-таки кончилось. Галстук рассказывал какие-то байки, постоянно теряя мысль, дымил как паровоз, задыхался и кашлял, когда смеялся. Апрель как в полусне слушала, что он будто бы планирует ограбление музея и налет на банк. Говорил он и о том, как легко было бы ограбить жалкую старуху, но Апрель далеко не сразу поняла, что речь про фрейлейн Юнгникель.

– По вторникам старуха убирает туалеты и возвращается домой поздно, – разъярялся Галстук, и его крупный тапиров нос подергивался.

Вот так она и узнала, где подрабатывает фрейлейн Юнгникель. Галстук сумел завести с хозяйкой беседу. Хозяйка, конечно, стара как мир, но деньжат под матрасом у нее наверняка напихано немало.

– Ты с ума сошел? – возмутилась Апрель. – Старуху удар хватит!

Она попыталась свести весь его план к шутке, разыгрывала одну комичную сценку за другой, изображала, как старуха, задыхаясь, зовет свою птичку, как рвет редкие свои волоски на голове.

– Ты тоже в доле, – сказал Галстук, а Ева ласково прикоснулась к ее руке.

На следующий день в квартиру заявили полицейские, и они ожидали появления Апрель. Та отрицала всякую связь с ограблением. Фрейлейн Юнгникель рыдала на кухне и показывала на Апрель пальцем, обвиняя ее во всем. Апрель же, не испытывая ни капли сострадания, только радовалась, что ей удалось избавиться от Галстука и его подруги.